

Лев Альтмарк

ЧТО ПИСАТЬ СВОИ ОБНОВЫ

Лев Альтмарк

Утопи свои обиды

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Альтмарк Л.

Утопи свои обиды / Л. Альтмарк — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Разведки нескольких стран охотятся за изобретением репатрианта из России. Отставной полицейский для установления контакта с изобретателем привлекает своего друга-журналиста, от имени которого написан роман. Однако проблема состоит в том, что добраться до изобретателя не так просто и даже опасно...

© Альтмарк Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лев Альтмарк

Утопи свои обиды

Детективный роман

Тонкий солнечный лучик осторожно скользил по белому пластику стола, словно ему было интересно выяснить, что это перед ним за прозрачная стеклянная посудина с тёмно-янтарной жидкостью внутри, которую сидящий за столом небритый тип в ссадинах, порезах и в несвежей выцветшей майке упорно переливает в низкий квадратный стакан толстого стекла и незамедлительно опрокидывает себе в горло.

Этим побитым молью типом был не кто иной, как ваш покорный слуга. Передо мной стояла литровая бутылка виски «Джек Даниэлс», которую я раньше позволить себе не мог из-за дороговизны, а сегодня она мне досталась от моего лучшего друга. Правда, не за красивые глазки. Такие подарки с бухты-балахты не получают. Утопить бы все наши печали на дне такой бутылки, а заодно сто лет не получать и таких подарков, да только что теперь говорить…

А ведь не мешало бы всё вспомнить и привести в голову в порядок. Помню-то я на самом деле многое, но это совершенно другие, не относящиеся к делу вещи. Чтобы прояснить хотя бы приблизительный круг моих познаний, наверняка потребовалась бы не одна бутыль подобного благородного пойла, однако в данной ситуации никому и даром не нужны мои познания в языках, искусстве и литературе, мои взгляды на мир и окружающую действительность. На всё это окружающим плевать, как, впрочем, и на мою бесцветную, практически бесполезную личность. Всем вокруг и, в первую очередь, мне самому необходимо всего лишь разобраться в том, что происходило за последние несколько дней, и попытаться вычислить, кто оказался в выигрыше, а кто остался в дураках. Уж я-то точно ничего хорошего изо всего этого не поимел…

Я поковырял ногтем этикетку на бутылке и решил подождать, пока виски станет поменьше, а в голове наступит благословенное состояние пьяной эйфории, – тогда хоть трава не расти, утопим все свои печали на дне этой квадратной бутылки… Всё равно ничего не изменить. Мёртвых не воскресить, а живые – да ну их…

Как мне всё надоело! Я с ненавистью посмотрел на свой сотовый телефон, который мирно дремал рядом со стаканом, но разбивать его не стал. А ведь как хочется…

Пусть лучше считают меня алкашом, которому только этого и надо. Так спокойней и… Спокойней ли?

Я налил щёг полстакана благословенного «Джека Даниэлса» и решительно поднёс к губам.

1

Израиль, Сентябрь 2011

Когда я приехал в это небольшое поселение неподалеку от арабского города Хеврона, то нужный дом отыскался сразу. Его и искать особо не пришлось. Солдат, охраняющий ворота на въезде, едва поинтересовавшись, кто я такой, заученным жестом указал дорогу и махнул рукой, мол, проезжай, не морочь голову, много вас тут любопытных за последнее время появляется.

Заблудиться в поселении невозможно. Пару мощёных улиц, причудливым серпантином завивающихся вокруг холмов, на которых расположено поселение, можно проскочить на машине буквально за десять минут, а потом с полной уверенностью сказать, что осмотрено всё и нет здесь для тебя больше ничего неисследованного.

Сразу из машины я вылезать не стал, а только выключил зажигание, приглушил приёмник и закурил сигарету. Хотелось ещё раз обдумать вчерашний разговор с Сашкой Гольдманом и решить, как всё-таки поступать.

С Сашкой мы старинные друзья. Примерно в одно время приехали в Израиль, изучали иврит в одном ульпане и первое время после окончания общались довольно близко. Я подался на компьютерные курсы осваивать новую для себя специальность, а он, бывший милицейский опер, стал планомерно долбить полицию, чтобы продолжить свою любимую и опасную работу в нашем жарком климате. Сперва я интересовался его успехами, но, ясное дело, с первого раза ни одна стена не прошибается, и он носился на какие-то бесчисленные встречи и собеседования, сдавал экзамены и проваливал тесты, а в перерывах подрабатывал в местном спортивном клубе тренером по дзюдо. Со временем наши встречи стали реже, а потом, когда после долгих мытарств его, наконец, приняли в полицию, и вовсе прекратились. Зачем ему, спрашивается, терять время на бесполезное общение со мной, ведь курсы-то компьютерные я успешно закончил, а соответствующую работу так и не нашёл. У Сашки теперь полно дел в полиции, а я, пристроившись в захудалую фирму охранником, какой могу представлять для него интерес? О чём со мной сегодня говорить? То-то и оно. Разного мы с ним теперь полёта птички...

Долгие месяцы Сашка не подавал о себе ни слуха ни духа. Я на него не обижался – делает человек карьеру, удалось ему ухватить боженьку за помидоры, ну, и замечательно. Не водку же ему пить с такими неудачниками, как я. К тому же, общих тем у нас почти не осталось. Если честно, то мне глубоко по барабану новости из криминальной жизни Израиля, как, наверное, и ему вряд ли интересны мои литературные потуги и мизерные успехи, которые ещё как-то греют сердечко бедного, всеми позабытого-позаброшенного литератора-охранника.

Объявился Сашка Гольдман неожиданно, позвонив мне по телефону и назначив встречу в одном из кафе в центре города. Кафе это носило странное название «Балагур» и, видимо, подразумевало задушевные беседы посетителей под чашечку кофе, бутылку пива и – что там у них ещё питейного в ассортименте? При этом тон Сашки был таким, будто мы общались последний раз не далее, как вчера. Это было неожиданно, но приятно. Побалагуим, раз уж для нашей беседы он избрал такое нестандартное место. Проще было бы, как это уже не раз происходило, встретиться, например, у меня дома и надраться от души, но такое продолжение нашей встречи, видимо, в Сашкины планы не входило.

Узнал я его сразу, ведь внешний вид его почти не изменился – тот же коротко стриженый ёжик на голове с заметно пробивающимися сединками на висках, слегка прищуренные глаза, в которых неизвестно что – то ли подозрительная улыбка, то ли затаённая угроза. Одет в стандартную полицейскую форму: синие брюки, светло-голубая рубаха с аксельбантами, куча всевозможных бляшек и на погонах – какие-то эмблемы, разбираясь в которых я не силён. Оно

и понятно – он уже не простой постовой, ведь у тех на погонах пусто. Но и не самый большой начальник, который может позволить себе демонстративную небрежность в обмундировании.

Мы присели за столик, и заказали кофе.

– Как дела, не спрашиваю, – сразу взял быка за рога Сашка, – потому что уже навёл справки, чтобы лишними вопросами воздух не сотрясать. Служба у нас такая.

– Ого! – удивился я. – Ты, оказывается, не просто решил со мной встретиться, а по работе...

– Ты удивительно догадлив, – усмехнулся Гольдман. – Не совсем по работе, но... отчасти и по работе. Ты не против? Как настроение в целом?

– Как видишь. Хвастаться особо нечем, но и жаловаться на судьбу не стану. Грех это.

– Нормально. Как литературные победы?

– Вам же, копам, всё известно! – усмехнулся я. – Или нет?

Сашка неторопливо отхлебнул кофе и деловито выдал:

– Читал твою последнюю книжку. Нормальная макулатура... Музыку по-прежнему коллекционируешь?

– Ага, – хмыкнул я, – будешь укорять, господин сыщик, что я злостно нарушаю авторские права, скачивая диски из Интернета? Ты представляешь интересы бедных американских звукозаписывающих фирм?

– Б-г с тобой, пират подпольный, – отмахнулся Сашка, – качай на здоровье. Это не наша епархия. А спросил я об этом только из вежливости и природной неистребимой интеллигентности. Пока есть возможность доить Интернет, чего ж этим не пользоваться? Я и сам грешу, когда минутка свободная выпадает.

– Ну, успокоил, брат, – рассмеялся я, – теперь буду спать спокойно. А то у меня уже поджилки тряслись... Лучше поведай, как твои дела. Наверняка больше интересного, чем у меня.

– А что рассказывать? Служим закону, даём угля родине. Бандитов ловим... А у меня к тебе и в самом деле есть просьба.

– Неужто вашему высокоблагородию понадобился скромный симпатяга-охранник, марающий на работе бумагу своей писаниной и по-воровски качающий из Интернета контрафактную музыку? Помочь ловить интернет-бандитов? Так я в дзюдо не очень, правда, стрелять из казённого пистолета учили, и даже изредка в цель попадаю...

– Этаких подвигов от тебя никто не требует, – совсем развеселился Сашка. – Пистолет можешь дома оставить, как и компьютер со своими писаниями. Заинтересовал нас, понимаешь ли, один человечек...

– Отлично! – воодушевился я. – Вам понадобился агент, который внедрится в преступную банду, накопает компромата на главарей и, рискуя жизнью, выведет негодяев на чистую воду, то есть сдаст с потрохами закону... Какие расценки за голову?

– Умница ты наш! Оказывается, не только серьёзные книжки читаешь, но и детективами не гнушаешься. Может, даже бандитские сериалы по телевизору смотришь да на ус мотаешь...

– Грешен, каюсь!

Сашка на мгновенье задумался, потом глянул на часы и, помотав головой, приступил к главному:

– Наблюдается тут у нас странная ситуация с человечком, о котором я заикнулся. В одном поселении, – потом скажу, в каком, – он поселился три года назад, а приехал, кстати, из наших краёв. И, как мы с тобой, пока числится в новых репатриантах. Ничего с виду необычного в нём нет, но это только на первый взгляд. Вокруг него творятся какие-то непонятные вещи.

– Чем же он таким необычным занимается?

– Официально работать он никуда не устроился, да и в поселениях практически нет работы для нашего брата, не владеющего ивритом. Практикует как народный целитель – это

сейчас модно. Всякие там йоги, рейки, китайская медицина, даже, говорят, магия. Чем бы, как говорится, дитя ни тешилось… Сейчас каждый второй каким-нибудь мракобесием промышляет и дурит доверчивую публику. Я лично ни во что не верю, потому что знаю: заболит у меня зуб, так не к «магу» побегу, а к банальному дантисту. И простуду лечу не заговорами и заклинаниями, а горячим молоком с мёдом.

– Я тебя понял. Ну а в чём проблема-то?

– Проблема как раз в обстановке вокруг этого человечка. Не знаю, может, у него такой рекламный трюк, а может, у парня крышу снесло. Заявляет он во всеуслышание, что, мол, не только может многие человеческие болезни излечивать, но и вообще может решать любые проблемы. Вплоть до управления психикой и поведением человека. Притом не какого-то конкретного экземпляра, а целой группы.

– Ну, это не новость! – поморщился я. – Все доморошенные колдуны этим занимаются. Они и в астрал выходят, и с духами запросто общаются, как мы сейчас с тобой. А главное, врут окружающим настолько убедительно, что человек со слабой психикой однозначно верит. А вот в реальности…

– Дело как раз в этой реальности! – Сашка уже не улыбался, а смотрел на меня в упор и не отводил взгляда. – Я же говорю, что вокруг него всякие странные вещи происходят. Какие-то парапротивные явления, чёрт бы их побрал! Нам удалось собрать некоторую статистику, и обнаружились интересные закономерности: люди, которые приходили к нему лечиться, действительно излечивались, притом спектр болезней был настолько широк, что даже не верится! Безнадёжные раковые больные – и те… Ты себе такое можешь представить?

– Не могу. Но честь и хвала такому целителю. Значит, им не полиция должна интересоваться, а университеты и научные учреждения. На Нобелевскую премию его надо выдвигать. Мы-то с тобой здесь с какого бока?

– В том-то и дело, что не всё так просто. – Сашка снова отхлебнул кофе и мельком глянул на часы. – Человек это настолько замкнут и никого к себе не подпускает, что ситуация вызывает законное недоумение… К чему эти тайны Мадридского двора? Кого он опасается? Почему так упорно сторонится всех, кто обращается к нему с расспросами?

– Это объяснимо, – предположил я. – Медицина – тот же бизнес, в котором крутятся большие деньги. Может, секрет у нашего уважаемого репатрианта совсем пустяшный, да никто пока до него не додумался. Нарубит он на своём потайном методе бабок, а потом выложит тщательно скрываемое на обозрение общественности… Было бы у меня что-нибудь подобное, я бы тоже к себе конкурентов на пушечный выстрел не подпускал.

– И мы поначалу так предположили, – согласился Гольдман, – но всё оказалось совсем не так. Выяснилось, что наш товарищ денег ни с кого не берёт и ничего своим целительством не зарабатывает. А если не деньги, то какая ещё может быть выгода от такой таинственности?

– А вот это уже действительно страшное преступление! – расхохотался я. – И не только парапротивное явление, а самая натуральная фантастика, какой быть не может по определению! Отказываться от денег, которых наверняка можно нарубить немеряно! И где – в нашем меркантильном и жадном мире, когда задарма носа никто не почешет… Такими людьми не полиции надо заниматься, а самим что ни на есть секретным службам государства! Создавать условия, чтобы подобные люди плодились и размножались во славу отечества и заодно человечества…

– Не смешно! – насупился Сашка. – Когда о нём начали поступать первые сведения и в газетах появились материалы о удивительном целителе-бессребреннике, к нему тут же наладилась наша доблестная налоговая служба. Уж, она-то любые парапротивные загадки решает с ходу – находит деньги даже там, где их отродясь не было, и заставляет делиться…

– Это сейчас со мной суровый коп говорит или старый добрый собутыльник? – уколол я Гольдмана.

– Перестань, – отмахнулся Сашка. – Так вот, налоговики выяснили интересную штуку. Наш товарищ не только не берёт ни с кого денег, но и ниоткуда их не получает. Ничего не получает и никому ничего не платит! Словно человек существует, и одновременно его нет. Мы же знаем, что каждый из нас так или иначе засвечен где-нибудь: или ты платишь, или тебе платят – третьего варианта нет… И решили наши налоговые опричники заняться им вплотную, потому что ситуация крайне непонятная и требующая быстрого разрешения. Подняли все документы и выяснили, что дом он купил на деньги, полученные неизвестно откуда. Словно ему каким-то непонятным способом их передал богатый дядюшка из Америки. Но с собой он их не привёз, это точно установлено. И никаких переводов ниоткуда не получал. Тогда на что он живёт? Какие-то деньги – пособие по безработице – ему на счёт, конечно, капают, но это мизер. На коммунальные платежи и пропитание хватает. Хоть в поселении жизнь не такая дорогая, как в городе, тем не менее, какие-то траты всё равно есть…

– Может, всё-таки берёт деньги с пациентов наличными, – предположил я, – а те, естественно, никогда в этом не признаются. Кто станет вредить человеку, который исцелил тебя от неизлечимой болезни?

– Мы так и решили поначалу, – кивнул головой Сашка, – но пациенты, с которыми неоднократно беседовали, божились, что он не брал ни копейки, хотя ему предлагали весьма настойчиво… А сейчас, когда вокруг него начался газетный ажиотаж, он и вовсе ограничил приём пациентов. Заявляет, что это не главное, и у него другие приоритеты, а не целительская практика… Ещё больше непоняток. Возникает вопрос: что он собирается делать дальше? На какие шиши будет жить? И что это за «приоритеты»? Вдруг что-то противозаконное?

Некоторое время мы молчали, потом я спросил:

– Может, об этом лучше спросить всё-таки у него самого? Зачем играть в испорченный телефон и узнавать через кого-то? Пытать бедняг-пациентов? Неужели он сам не ответит?

Сашка вздохнул и с сожалением глянул на меня:

– Пробовали. Не получается.

– Не понял, – протянул я, – как не получается? Он что, отказывается с вами разговаривать?

– Не отказывается. Но странные вещи потом происходят с людьми, которых к нему посылали. То ли он их гипнотизирует, то ли ещё что-то делает, но они потом ничего не помнят. Даже диктофон, с которым посылали одного нашего сотрудника, ничего не записал, хотя исправно работал у него в кармане все полчаса их общения. А потом общения вовсе прекратились – ни с кем он не хочет разговаривать. Категорически.

– Ну, брат, – протянул я, – рассказываешь ты мне какие-то чудеса! Ни за что не поверю, что такое может быть! Он что, этот ваш таинственный репатриант, колдун какой-то?

– Чёрт его знает! И из налоговой службы у него ребята были, и наши – все, как один утверждают, что ничего не понимают… Может, и ещё из каких-нибудь контор посерёзней, только нам об этом неизвестно.

– Ага, – вдруг догадался я, – и вы теперь решили послать к нему совершенно постороннего человека, то есть меня, глядишь, что-то обломится, так?

– В общем, да. – Гольдман внимательно посмотрел на меня и доверительно сообщил: – Уж, тебя-то трудно заподозрить в том, что ты представляешь какую-то официальную организацию. Видок у тебя ещё тот… От тебя вечным репатриантством за версту смердит – уж, извини за откровенность!

– А от тебя? – тотчас обиделся я.

– Я бы и сам к нему поехал, никого не просил бы, да этот номер однозначно не пройдёт – полицейского он сразу различит. Да и ездил я к нему уже один раз, только ничего не получилось. К тому же, – Сашка криво ухмыльнулся, – если он каким-то образом может стирать память, то тебе и стирать нечего – разве что задумки на будущую нетленку!

– Значит, я у вас расходный материал? Превратят меня в овощ – и хрен со мной? Лечение в дурке до конца моих дней бесплатно? Похороны и памятник на могилке за счёт полиции?

– Ну, не всё так печально. Думаю, ситуация гораздо проще, чем кажется. Все предыдущие походы к нему были как бы официальными, по-израильски грубоватыми и прямолинейными, а к нему наверняка нужен совсем другой подход. У тебя это получится, ты же знаток человеческих душ. А кроме тебя мне и просить некого…

Он поглядел на часы, и я понял, что пора закругляться.

– Хорошо, я подумаю.

– Нет. – Сашка встал из-за стола и поправил воротник своей рубашки. – Ты уже дал согласие.

– Даже так?..

Сашка улыбнулся и похлопал меня по плечу:

– Я же тебя знаю!.. Да, и ёщё. Очень важно выяснить один он живёт или с кем-то. Круг общения и прочие подобные вещи… Кстати, маленькая деталь. Поселение, в котором он живёт, религиозное. Когда тамошняя публика пришла с ним знакомиться, то, естественно, поинтересовалась, почему он по субботам не ходит в синагогу и не носит головной убор. И знаешь, что он ответил?

– Что?

– Что ему этого не требуется, а он, если захочет, сам станет Г-дом Б-гом. Ни больше, ни меньше…

2

Россия, Ноябрь 1993

Серый сумрак за окном постепенно сгущался. Если раньше ещё были видны фонари, выхватывающие из мутной снежной круговерти куски дороги с редкими автомобилями, то теперь рыхлые снежинки, которых становилось всё больше, сливались в мутную пелену, заслоняя дальние силуэты дымящихся заводских труб и улицу, ведущую неизвестно куда. Именно – неизвестно куда, потому что раньше Дмитрий глядел на мир весело и с оптимизмом, и выбранная им дорога наверняка вела к обещанному светлому будущему, а теперь всё куда-то в одночасье исчезло. Не было ни этой улицы с вечно спешащими автомобилями, ни этих дальних заводов, запах гари от которых каждое утро заносило ветерком в открытую форточку, ни будущей благополучной и счастливой старости.

Свет в комнате включать не хотелось. Дмитрий сидел за столом, перед ним стояла откупоренная бутылка водки, и её в самый бы раз сейчас опорожнить, чтобы забыться и завалиться спать с глупой вечной присказкой про утро, которое вечера мудренее. Утро ничего хорошего не сулило, а гадкие мысли о том, что всё рухнуло, и не осталось больше ничего, к чему когда-то стремился и чего так упорно добивался, встали бы ещё остree в этой пустой и уже не нужной ему квартире.

В сотый раз Дмитрий прокручивал в голове вчерашний разговор с начальством, и хоть это не было для него неожиданностью и назревало давно, где-то в глубине души таилась надежда, что всё сложится как-то иначе и такой печальной и скорой развязки не случится.

Утром он, как обычно, пришёл в бюро, несколько минут до начала работы поболтал с коллегами в курилке, а потом отправился за свой стол. План на сегодня был обычный – очередная серия лабораторных замеров, впрочем, график утвержден начальством в начале квартала. Ему всегда удавалось сделать чуть больше, чем запланировано, и это начальству нравилось. Кто же против того, чтобы работа выполнялась досрочно, – это премии, благодарность от заказчика, а главное, приятное ощущение собственной значимости и нужности.

Идеи, которые Дмитрий вынашивал уже добрый десяток лет, наконец, дошли до самых верхов, и начальство – особенно военные, для которых разработка предназначалась, – на удивление быстро отреагировало. Дмитрия, попавшего после института на работу в этот почтовый ящик, заприметили сразу, дали лабораторию, средства и пару очень важных телефонных номеров, по которым он мог звонить в любое время дня и ночи в случае необходимости. Но только если ситуация безвыходная, и без вмешательства сверху выпутаться из неё нельзя.

Едва Дмитрий вытащил папку с бумагами из сейфа, зазвонил внутренний телефон.

– Зайди ко мне, – коротко приказал ему, даже не поздоровавшись, заместитель директора института Коновалов. – Оставь все дела и зайди. Я жду.

В самом начале рабочего дня начальство редко тревожит подчинённых. Уж если ему что-то требуется, то оно само снисходит со своих кабинетных высот до рабочих мест. Когда же вызывает к себе, наверняка ничего доброго ожидать не следует.

Вернув папку в сейф, Дмитрий отправился к Коновалову. По дороге он пытался раздумывать о причинах срочного вызова, но в голову никаких мыслей не приходило.

– Сядь, – сказал Коновалов, не отрываясь от бумаги, которую просматривал. – Нужно поговорить.

Некоторое время стояла тишина, и Дмитрий вдруг понял, что сейчас должно произойти что-то неприятное и непоправимое.

– Как твой проект? – спросил Коновалов.

– Нормально, – пожал плечами Дмитрий, – опережаем график...

И опять наступила тишина. Наконец, Коновалов отложил бумагу, встал из-за стола и несколько раз прошёлся по кабинету, что-то напряжённо раздумывая.

– Понимаешь, Дмитрий Ефимович, – глухим голосом сказал он, остановившись у окна, – наше руководство ценит тебя и уважает, но... видишь, какой бардак творится вокруг? Всё летит в тартарары, заводы закрываются, оборонка трещит по швам. Короче, солдафоны твой проект решили прикрыть.

– Денег на него нет? – предположил Дмитрий.

– Не только денег, – отмахнулся Коновалов, – не до проектов им сейчас. Самим бы в креслах усидеть...

– Хотят приостановить или вообще закрыть?

– Не знаю. Знаю лишь, что с завтрашнего дня твоя лаборатория закрывается. – Коновалов вернулся к столу, взял бумагу, которую читал, и протянул Дмитрию. – Вот приказ по институту, распишись.

– Что же мне теперь делать? – Дмитрий вертел в руках приказ, не решаясь в него заглянуть.

– Мы тебя вынуждены уволить. Других вариантов нет. И твоих сотрудников... Посиди дома, отдохни. Рыбалка, грибы – что ещё могу посоветовать? А там, глядишь, что-то изменится, солдафоны одумаются и решат возобновить разработки... Мы ведь не только тебя увольняем, ещё пара лабораторий закрывается, а это добрых полсотни человек.

– С завтрашнего дня не работаю?

– Уже с сегодняшнего. Сходи, возьми в кадрах обходной лист... До свиданья. И не обижайся на нас...

До обеда Дмитрий просидел за своим столом, разбиная бумаги и тайком от начальства копируя их. Девчонка, работающая на ксероксе, ещё не знала о его увольнении и охотно копировала документы, которые он складывал в свою сумку так, чтобы на них не обратил внимания охранник на входе. Хотя вряд ли его будут проверять, но всё может быть – человек увольняется и больше сюда не вернётся, а объект всё-таки режимный и каждая вторая бумага здесь с грифом «секретно»...

Но его не задержали на выходе. Охранника, имени которого Дмитрий не знал, интересовало другое. В сумке не было того, что чаще всего выносят сотрудники, – спирта или дефицитных радиодеталей, – а какие-то бумажки с резким запахом нашатыря – да кому они сегодня нужны?

Самое неприятное ожидало дома. Людмила, с которой он и так жил в последнее время, как кошка с собакой, узнав об увольнении мужа, ни слова не говоря, собрала вещи и уехала к матери. Такое случалось и раньше, но всегда сопровождалось скандалами и битьём посуды. Сегодня же всё прошло тихо, и это было совсем паршиво. Так уходят, когда не собираются возвращаться.

– Я подаю на развод, – сказала она напоследок, – не хочу жить с лузером. Тебе уже сорок, а чего ты в жизни добился? Каждый день работаешь по двенадцать часов, а зарплата – копейки. Говоришь, что делаешь что-то важное для оборонки, и начальство тебя ценит? Всё это полная ерунда! Ты сам себя обманываешь! Если бы тебя ценили, ты бы получал не эти жалкие гроши. Мы бы смогли купить машину, каждый год ездить на юг к морю, а что мы имеем?.. Я сейчас с тобой говорю, а ты меня хоть слышишь-то? Вот и оставайся один...

Весь вечер Дмитрий просидел дома, тупо глядя в одну точку. Никакие мысли в голову не шли, и на душе было тоскливо, но почему-то спокойно. Настолько спокойно, что по спине время от времени прокатывался озноб ожидания чего-то неизвестного. Лишь сейчас он понял, что жизнь расставила какие-то свои точки. Всё, что происходило с ним раньше, уже казалось искусственным и неправдоподобным. Работа, которая всегда была смыслом жизни, теперь отходила на задний план, а что оставалось взамен? Что у него было за душой? Какие у него

интересы помимо решения всевозможных технических задач, возникавших на работе? Книги, кино, музыка? Он и не помнит, когда что-то читал или смотрел по телевизору... Семья? Теперь выяснялось, что и семьи-то у него по-настоящему не было. Они жили с Людмилой бок о бок, но близкими и родными людьми так и не стали. Может, дети сблизили бы их, но детей не было.

Дмитрий спустился к круглосуточному ларьку в квартале от дома, купил бутылку водки и вернулся в опустевшую квартиру. Но и водка не помогла. Пить он так и не научился. Мужики с работы, изредка затаскивающие его в свои компании, всегда говорили:

– Не настоящий ты еврей, Дмитрий! Настоящие-то нашему русскому человеку по питейной части не уступают. Ещё и фору дают. Не то, что ты. Не обижайся, конечно, что мы тебя так, но...

А Дмитрий ни от кого и не скрывал, что он еврей, хотя такое в их уральских краях не принято афишировать. Никто ему в укор еврейское происхождение не ставил, тем не менее, изредка всё-таки проскакивало, что он не совсем свой, а к чужакам, ясное дело, отношение настороженное.

– Что ты здесь делаешь? – иногда говорил кто-нибудь из друзей в порыве откровенности. – Посмотри, сейчас границы открылись, и все, кто мог, подались в Израиль, Америку, Германию. Ты же мужик с головой, найдёшь себе там применение. Здесь-то тебе терять нечего. Даже твоя Людка на тебя волком смотрит и уже поговаривает, мол, живу с ним, пока кто-нибудь интересней подвернётся. Тебя такая ситуация устраивает? Любой нормальный человек на твоём месте уже давно ноги сделал бы! А то наши вожди передумают, закроют границы, как было раньше, и останешься ты у разбитого корыта.

– Кто меня ждёт за границей? – усмехался Дмитрий, но ничего весёлого в этой усмешке не было.

– Никто никого не ждёт, – отвечали ему более просвещённые по этой части товарищи, – но когда выпадает шанс начать всё с чистого листа, грех этим не воспользоваться. Самим бы отыскать какую-нибудь еврейскую прабабушку да ломануться отсюда...

Дмитрию искать никого не надо было. И звали-то на самом деле его не Дмитрием, а Давидом, но так уж повелось со школы, чтобы окружающие не дразнили. И все вокруг привыкли к этому имени. Он помнил семейную историю про то, как его мать вместе с родными попала в эти уральские края во время эвакуации в сорок первом году, вышла замуж за комиссованного по ранению бравого офицера-танкиста и осталась жить на новой родине. Всё равно возвращаться после войны было некуда – еврейское местечко в Белоруссии, откуда она родом, сожжено немцами дотла со всеми его обитателями. Как и местечко, родом из которого отец Давида...

И в самом деле, пора уезжать, вдруг подумалось ему. На дворе девяносто третий год, перестройка в разгаре, но с каждым годом становится не лучше, а только хуже. Пока была работа, были какие-то средства к существованию, а теперь ни работы, ни семьи. Что в перспективе – идти побираться?

Дмитрий покосился на сумку с бумагами, вынесенными из института, и ему, наконец, стало ясно, для чего он это сделал. В этих бумагах вся его жизнь, вернее, годы, которые он посвятил оборонке. А она так жестоко поступила с ним – вышвырнула на улицу, оставив, по сути дела, без будущего! Нет, к такому раскладу он не готов. Он имеет право воспользоваться этими секретными материалами, ведь в них всё – и бессонные ночи, проведённые за книгами, и исписанные формулами блокноты, и горячие споры с коллегами, в которых истина если и рождалась, то далеко не сразу, и его изворотливость, когда необходимо было раз за разом разъяснять твердолобым генералам преимущества его изобретений над тем, что уже существует в мировой практике...

В лаборатории он даже успел создать опытные экземпляры некоторых своих изобретений и кое-кому продемонстрировал их в действии, но даже это, как выходило, сегодня не нужно. Однажды, когда он, отчаявшись, посетовал кому-то из начальства на то, что глупо разбрасы-

ваться такими новинками, которые сделают любую армию самой неуязвимой и самой-самой-самой, ему ответили, что никто о войне не помышляет, новые виды вооружения, конечно, актуальны, но не сегодня, и так далее. Обидно, когда вокруг тебя безразличие и непробиваемые стены, а ведь любой творческий человек тщеславен. Тщеславие – это стимул к творчеству, и без него ничего нельзя сделать действительно нового.

– Меня здесь ничего не держит, – проговорил он вслух, и сам удивился своему голосу, твёрдому и уверенному, каковым, наверное, должен быть голос человека, ответившего на главный вопрос в жизни. – И никому я ничего здесь не должен. Пора собираться…

После этих слов ему стало легче. Презрительно глянув на бутылку, он пересел в кресло у окна и стал раздумывать, как завтра отправится за заграничным паспортом, и, когда тот будет готов, не откладывая ни на минуту, поедет в Москву в израильское посольство. Там он добьётся встречи с человеком – как его называют? – военным атташе и расскажет о своих изобретениях. Дмитрий ясно представлял, что везти с собой через границу пачку бумаг, на каждой из которых гриф «секретно», это прямой путь к тому, что его притормозит первый же пограничник, и тогда уже он отправится совсем в другом направлении – противоположном.

С другой стороны, он не настолько наивен, чтобы сразу выкладывать свои секреты какому-то незнакомому израильтянину. Вполне вероятно, что доверясь он работнику посольства – и его разработки попадут туда, куда надо, а он, как и здесь, окажется в итоге ненужным и лишним. На порядочность и честность полагаться не стоит, нужно всегда придержать туз в рукаве. Но как это сделать?

Ответ пришёл сам собой. До отъезда в Москву он составит описание изобретений с подробными пояснениями, а также приложит имеющиеся фотографии и акты испытаний. Этого будет достаточно, чтобы его не сочли очередным безумным изобретателем вечного двигателя. Сам же принцип работы и отработанные на опытных образцах схемы он не доверит никому, а повезёт в багаже лично. Без описаний они вряд ли привлекут чьё-то внимание.

С отъездом не будет никаких препятствий. Его увольняли в такой спешке, что никто в институте даже не задумался, что он носитель секретной информации, и какое-то время его вообще не следят выпускать заграницу. Может, компетентные органы, баражаясь в той неразберихе, что творится вокруг, не обратят на него внимания и отпустят с миром… В Израиле-то его примут в любом случае, хоть с секретными документами, хоть без, но хочется сделать какой-то задел для будущей благополучной жизни. В том, что Дмитрий продолжит заниматься любимым делом, сомнений не было. А на первых порах, пока он худо-бедно обживётся на новом месте, ему любая работа сгодится. Он не белоручка, может и лопатой поработать…

Теперь уже спокойно сидеть в кресле и смотреть в окно на сгущающийся сумрак и усиливающийся снегопад Дмитрий не мог. Он вскочил и стал нервно расхаживать по комнате. Взгляд снова наткнулся на бутылку с водкой. Такое решение не мешало бы обмыть, но… нет, никогда. Нужно прямо сейчас начать сортировку документов. Работы наверняка будет много, но и время пока есть.

Дмитрий зажёг свет и раскрыл сумку. Сдвинув на край стола водку, он вытащил всё ещё пахнущие нашатырём листки ксерокопий и положил перед собой чистый лист бумаги. Перед тем, как начать писать, он зажмурился и пробормотал:

– Хоть бы всё прошло так, как я задумал, – потом погрозил кулаком кому-то невидимому в окне и прибавил, – вы ещё пожалеете, что так поступили со мной! Дмитрий… нет, Давид Бланк всем покажет, на что способен!

3

Израиль, Сентябрь 2011

Зачем я согласился участвовать в этой авантюре? Мог отказаться и послать Сашку с его детективными заморочками подальше, так нет же, сыграло дурацкое любопытство и желание первым приоткрыть покров чужой тайны. Я ещё потом не раз пожалею, что так неосмотрительно согласился участвовать в этих играх, ни правил, ни целей которых так до конца и не прояснил. Да я уже и сейчас жалею...

Сашка Гольдман оказался ещё тем Змеем Горынычем, ведь наверняка помнил и использовал мои старые рассказы про то, какую бурную жизнь я вёл до приезда сюда, в каких перепрягах участвовал и каким был некогда крутым перцем. Конечно, я сильно привирал, но у меня получалось делать это складно, и Сашка наверняка это подметил, ухватив из рассказов главное: скучно мне жить размеренной и тусклой жизнью израильского обывателя, душа требует драйва. А раз так – на тебе, брат, реальное приключение, покажи всем, какой ты боец, поиграй под присмотром старших товарищей в детектива...

Что ж, назывался груздем... лезь. Конечно, в Шерлоки Холмы я не гожусь, да и Штирлиц из меня едва ли получится, тем не менее... Хотя, по сути дела, ничего запредельного от меня не требуют. Наоборот, задача, по всей видимости, примитивно проста: изображать из себя лоха, каковым я и выгляжу безо всяких натяжек. И вот этот лох под самым банальным предлогом – любопытства или обострившейся болячки, – попытается пробраться в святую святых этого новоявленного гуру, пославшего по известному адресу все официальные организации с их бульдозерным напором и казённой официальщиной. Будь у меня какие-нибудь сверхъестественные способности, я бы тоже, ни минуты не сомневаясь, применил их, чтобы отпугнуть от себя этих нахалов. Хоть я с этим человеком ещё незнаком, но уже испытываю к нему некоторые симпатии.

Ну, да ладно, об этом помечтаем как-нибудь при случае, а сейчас лучше прикинуть, как мне попасть к нашему замечательному соотечественнику. Сашка предлагал явиться к нему с жалобой на какую-нибудь фигню – мигрень или боль в спине. Я ему тогда не сказал, что такой трюк окажется не очень убедительным. Целитель максимум поводит руками – или что ещё в подобных случаях делают уважающие себя маги? – и отправит восвояси. Хочется, чтобы этот не желающий излишнего внимания к собственной персоне человек не почувствовал опасности и увидел во мне союзника. Более того, чтобы я стал чем-то интересен ему. Иначе возникнет подозрение. Никому, знаете ли, не хочется находиться под колпаком, хотя почти ни у кого это не получается. Вот он и бьётся в одиночку с монстрами.

Но что придумать? Под каким соусом проникнуть к нему?..

Так ничего и не решив, я вылез из машины и пошёл к дому. Дом как дом, каких в поселении десятки. Только другие ухожены, и там чувствуется хозяйская рука. Лужайки вокруг домов засеяны зелёной травкой, которую периодически поливают, кое-где даже клумбы с цветами и аккуратные дорожки вдоль низких каменных заборчиков, разделяющих участки. А этот дом сразу выделяется своей неряшливостью – красная черепища на крыше кое-где покосилась и грозит рухнуть на голову его обитателю, трава у дома основательно пожухла, у стены набросаны какие-то ржавые рамы и поломанные доски. Видно, новоявленному «г-ду Б-гу» недосуг отвлекаться на бытовуху, он решает глобальные проблемы мироздания. Рядом с другими домами полно всякой живности – собаки, кошки, куры, кое-гдевольно разгуливают ёжики и домашние кролики, а тут пусто. Или хозяин не любит животных, или они не любят его.

Если неряшливость дома не произвела на меня никакого впечатления – я и сам не боюсь какой чистюля, то отсутствие животных меня несколько насторожило. Мой куцый жиз-

ненный опыт подсказывал, что во взаимоотношениях со зверушками, как в зеркале, отражается характер человека, его положительные и отрицательные качества. Что ж, небольшая деталь к портрету, но существенная.

Впрочем, внешний вид дома ни о чём не говорит. Ну, не любит хозяин возиться с зелёными насаждениями и не опасается получить по маковке съехавшей черепичной плиткой, это его личное дело. Эйнштейн, если верить преданиям старины неглубокой, тоже был изрядным грязнулей, однако прославился вовсе не как гений чистоты и порядка. Но ведь то Эйнштейн, а этот, как его... я заглянул в бумажку и прочёл Сашкины каракули – «Давид Бланк», чем он ценен для человечества? Пока не знаю. А сам он не торопится заявить о себе миру.

Что ж, попробуем проникнуть внутрь этого негостеприимного дома и познакомиться с хозяином поближе.

Как почти во всех домах в поселениях, дверь в дом Давида Бланка оказалась незапертой и, более того, даже приоткрытой. Как поступать в подобных случаях, особенно когда приходишь в незнакомый дом, я не знал. Постучать или войти сразу? В киношных-то детективах, как правило, если дверь не заперта, то за ней непременно труп различной степени свежести. Нужна же какая-то эпатирующая деталь для сюжета.

– Тыфу ты! – сплюнул я. – Померещится же... Будем вести себя не как в дешёвой киношке, а как в приличном обществе! Или как в индийском слезливом кино с песнями и плясками...

Я посильнее толкнул дверь, и она распахнулась настежь. Однако сразу пройти внутрь мне почему-то не удалось – меня неожиданно разобрал чих. Я чихнул один раз, но не сильно, и от этого в носу засвербело так, что чихнул второй раз, потом третий, а потом и вовсе пришлось лезть в карман за салфеткой, чтобы смахнуть неожиданно выскочившую из носа благородную зелёную соплю.

– Где это меня угораздило простудиться? – между чихами успел пробормотать я. – Не успел придти в гости к незнакомому человеку, как тут же принялся распространять вокруг себя болезнетворные микробы!

– Кто там? – послышался мужской голос из глубины дома.

– Простите, э-э... – Я не знал, что сказать, да и едва ли выдал бы что-то внятное из-за душившего меня чиха. – Ой, извините...

– Секундочку! – донеслось до меня снова. – Сейчас выйду.

Чихнув последний раз и промокнув салфеткой вспотевшее лицо, я с трудом перевёл дыхание.

Прихожих в израильских домах почти не бывает. Через входную дверь сразу попадаешь в зал, который служит одновременно салоном, кабинетом и кухней. Спальни, как правило, совсем маленькие, с крохотными окошками, и в них ничего, кроме как спать, не получается. Все основные события в жизни дома и его обитателей происходят в зале.

Потоптавшись у порога и не дождавшись никого, кто бы меня встретил, я вышел на середину зала и огляделся по сторонам. Ничего необычного. Практически пустая комната со стандартной кухней в дальнем углу, большим окном во всю стену, через которое проглядывался задний двор, такой же неухоженный, как и участок перед домом. Посреди комнаты большой овальный стол, наверняка оставшийся от прежних хозяев, и вокруг него несколько разнокалиберных стульев и табуретов. Никакой другой мебели, за исключением старого продавленного дивана у стены и большого телевизора на тумбочке. Да ещё дверь, ведущая наверняка в покой здешней «Синей Бороды», и лестница на второй этаж со спальнями.

– Мрачноватая обстановка, – пробормотал я, – гостям тут и в самом деле не рады.

– Здравствуйте, вы ко мне? – снова послышался голос, и я, наконец, разглядел его обладателя, который незаметно появился откуда-то и теперь пристально меня разглядывал.

Это был мужчина средних лет с седыми, зачёсанными назад волосами, неожиданно чёрными смоляными усиками над выпяченной верхней губой и такими же чёрными глазами под мохнатыми кустистыми бровями. Почему-то мне сразу подумалось, что если кому-то и суждено изобрести вечный двигатель или создать новую теорию относительности, то только человеку с подобной внешностью.

Обычно в таких случаях принято писать, что глаза хозяина дома были пронзительными и настороженно изучали непрошеного гостя, однако этого не было. Взор хозяина был тусклым и ничего не выражавшим. Казалось, ему глубоко плевать и абсолютно неинтересно выяснить, зачем я пришёл и что мне надо в его пыльных владениях. Полный вакуум.

– Вы ко мне? Домом не ошиблись? – повторил мужчина скучным голосом. – Кто вы?

На иврите он говорил плохо, поэтому я сразу же ответил на русском:

– Я… как бы вам объяснить? Мы с вами не знакомы, но я много наслышан о вас, и мне захотелось с вами познакомиться.

– Наслышины? – переспросил мужчина и усмехнулся. В его глазах блеснул огонёк любопытства. – И что вам про меня известно?

– Что вы исцеляете многих, кто неизлечимо болен.

– У вас что-то болит?

– Нет, но…

– И это всё, что вам про меня известно?

Тут я решил, что лучше не бродить вокруг да около, а выдать более или менее достоверную информацию. Так оно выглядит искренней и правдоподобней:

– Ещё слышал, что вы напугали местных жителей обещанием, что если захотите, станете Б-гом.

– Верно, – расцвёл хозяин, – пошутил, было дело… А что вы ещё слышали? Говорите, не стесняйтесь.

– Это что – допрос?

Казалось, хозяин немного смутился и отвёл глаза в сторону, но какой-то интерес в них уже промелькнул.

– Говорят, – продолжал крошить я правду-матку, – что к вам приходили из налоговой службы и ушли ни с чем…

– А, вы случайно не от них?

– Упаси Б-г! – Я даже затряс головой от негодования. – Я сам по себе.

Давид Бланк впервые с интересом оглядел меня и недоверчиво переспросил:

– Точно не от них? Вы уверены?

Я пожал плечами и ответил:

– Могу уйти, если не верите.

– Идите…

Чёрт побери, ситуация тупиковая! Сам напросился на такой ответ. Мне больше ничего не оставалось, как развернуться и пойти к двери. В голове уже начали вертеться нехорошие мысли о том, как я стану объясняться с Сашкой Гольдманом, но хозяин меня опередил:

– Постойте! Я вас вовсе не гоню. Просто я не совсем уверен, что вы тот, за кого себя выдаёте.

Тут уже пришёл черёд обижаться мне:

– А я ни за кого себя пока не выдаю. Вы же мне не дали даже слово сказать!

Давид пригладил ладонями волосы, потом одёрнул на животе мятую майку и вздохнул:

– Не обижайтесь, молодой человек. Просто меня уже достало непонятное внимание окружающих к моей персоне. Честное слово, черти мерещатся… Раз пришли, то проходите, рассказывайте, что вас привело сюда.

Мы прошли к столу, и он указал жестом на стул:

– Присаживайтесь. Сок или чай? Кофе, извините, закончилось… Слушаю вас. Или нет, лучше я задам вам вопрос. Если вы так много узнали обо мне, то наверняка слышали, что я почти не принимаю пациентов. Что вас всё-таки подвигло на этот столь бесполезный визит ко мне?

В его голосе звучала неприкрыта ирония. Я пожал плечами и выдал домашнюю заготовку:

– Понимаете, из того, что я слышал, во многое верится с очень большим трудом. А если говорить честно, вообще не верится. Мистика, чертовщина какая-то. Где правда, где ложь? А я давно интересуюсь подобными загадочными вещами, и мне захотелось во всём разобраться самому. Тем более, это не куда-то в джунгли Амазонки ехать или в горы Тибета, а здесь рядом, под рукой.

– Журналистское расследование?

– Я похож на журналиста?

Давид Бланк испытывающее глянул на меня и отрицательно покачал головой. Чувствовалось, моя речь пришлась ему по нраву. А кому не понравится, когда народная молва приписывает тебе сверхъестественные способности?

– Значит, вы явились ко мне, – медленно проговорил он, – чтобы выведать секреты? А почему вы решили, что, если они у меня есть, то я их выложу вам на тарелочке? Ведь секреты на то и секреты, чтобы держать их ото всех в тайне.

– Да не хочу я ничего выведывать, просто мне интересно узнать об их существовании! Был бы я каким-нибудь папарацци или специалистом по аномальным явлениям, наверняка придумал бы что-то похитрее, чтобы втереться к вам в доверие!

– Вы правы, – Давид озорно стрельнул по мне глазами и приосанился, – кишак у вас тонка… Кто вы, кстати, по образованию?

– До приезда сюда, – вздохнул я, – и в самом деле был журналистом, скрывать не буду, а здесь…

– Что с вами произошло здесь, можете не рассказывать, – перебил меня Давид. – Журналистов в Израиле и без вас хватает. Для нашего брата здесь берегут работы попроще и погрязней.

– В принципе так, – согласился я, – хотя что может быть грязней журналистики?..

А Давид уже вскочил со стула и, забыв про обещанный чай и сок, принялся расхаживать вокруг стола.

– Хотите, я и в самом деле, приоткрою вам свои секреты? – Он остановился напротив меня и посмотрел сверху вниз. – Не знаю, для чего мне это нужно, но… приоткрою. Мания величия, знаете ли, заела! Просто вы мне чем-то приглянулись.

И тут я подумал, что для того, чтобы побольше расположить к себе этого странного человека, не плохо было бы поиграть в плохого мальчика. Так будет выглядеть наверняка достоверней.

– А если я всё-таки не тот, за кого себя выдаю? – криво усмехнулся я. – Послушаю вас, намотаю себе на ус, а потом, едва выйду, прямиком направлюсь в ту же налоговую инспекцию или полицию!

– А вот это мне совсем не страшно, – расцвёл, как майская роза, Давид. – Я вполне могу сделать так, что по выходу отсюда вы не вспомните ни слова из нашего разговора.

– Так это всё-таки правда? Меня не обманывали? – удивился я. – Вы умеете стирать память?

Давид ничего не ответил, лишь стоял и с улыбкой разглядывал меня.

– Если я забуду обо всём, – продолжал я, – то для чего вам тогда что-то рассказывать? Какой прок? Мания величия так и останется… неудовлетворённой!

Я даже пожалел в душе, что так опрометчиво согласился на Сашкино предложение. Кто его знает, что на уме у этого доморощенного гения? Превратит меня в идиота, не помнящего, кто я и откуда, и пускающего счастливую слону от манной кашки в психушке?! Не-е, братцы, в такие игры играть я не хочу!

— Знаете, уважаемый, — я встал со стула и глянул на часы, — мне пора бежать, я совсем забыл, что у меня сегодня кое-какие встречи назначены. Вероятно, мой визит сюда был ошибочным.

— Перестаньте! — расхохотался Давид. — Никакой я не гипнотизёр и не колдун, и вреда вам не причиню. Да и секретов-то у меня никаких нет. Я такой же, как все, обыкновенный человек. Ну, может, не совсем такой, потому что иногда осмеливаюсь задуматься над тем, как применить то, что уже давно известно человечеству, а оно так и не научилось использовать это в полную силу...

Так-так, непроизвольно отметил я про себя, великий и ужасный Гудвин потихоньку приступил к изложению своих программных материалов. Хоть и скромничает, величая себя обычным человеком, но амбиции у него зашкаливают. Это видно невооружённым глазом. Иначе для чего я ему сейчас? Нужен ему, ой как нужен хоть один человечек, который подыграет ему и станет им восхищаться!

— Кстати, по своей первой специальности я инженер, — поделился я своими секретами, — технический институт закончил когда-то. Только вот в изобретатели никогда не рвался, другие у меня интересы были.

— И это, молодой человек, плохо! — Давид даже погрозил мне пальцем, словно непослушному ребёнку. — Наука и техника это такое безграничное поле для фантазии, что дух захватывает... Я сразу почувствовал, что у вас гуманитарный склад ума, но, как каждого нормального еврейского мальчика, ваши родители определили вас в технический ВУЗ, мол, что это за специальности — журналистика, культура и искусство? Техника, коммерция, медицина — это более практично и основательно. И вы бы тут добились куда более весомых результатов, чем в журналистике, если бы послушали родителей и продолжали техническую карьеру... Разве я не прав?

То, что разговор почему-то перешёл на обсуждение моей скромной персоны, мне совсем не нравилось. Не за этим я ехал сюда, а Давид моего недовольства как будто не замечал.

— Тех, для кого техника стала главным призванием и смыслом жизни, увы, единицы, — задумчиво продолжал он. — К счастью, мне повезло. Моё призвание стало моей сферой деятельности.

— Значит, вы счастливый человек, — подал я голос. — Завидую вам.

— Самый счастливый! — высокомерно поправил Давид. — Хотя и скучно, признаюсь, жить на белом свете, когда никто это не ценит, а от тебя требуют каких-то банальностей. Вроде излечения от застарелого радикулита или... — он посмотрел на меня и ухмыльнулся, — от насморка. Поэтому я и разговорился с вами. Ведь на самом деле вы пришли не лечиться и даже не с целью что-то выведать, да? Вы, если я не ошибаюсь, пришли с абстрактной целью понять, существует ли в природе реальное чудо, которое мне приписывают. Ведь так?

— Так. — Я почесал кончик носа и решил продолжить игру в плохого мальчика. Раз уж карта попёрла, то примем правила игры. — Одно меня немного удивляет: как вы легко говорите о чуде... Завеса тумана, которую вы создаёте, она действительно необходима? Без неё нельзя? Не скрывается ли за ней что-то совсем уж банальное?

— Думаете, незаслуженно рекламирую себя? — Давид искоса глянул на меня, и от его взгляда мне стало немного не по себе. — Да, молодой человек, не случайно я позволил вам беседовать со мной и не выгнал, как многих других, кто пытался лезть в мои секреты. Вы мне даже чем-то симпатичны. Своей недоверчивостью и нежеланием сразу хватать вершки...

Невольно я отметил про себя, что дело худо-бедно пошло на лад, и мне будет, чем порадовать Сашку Гольдмана. Всё-таки при всех своих гениальных способностях Давид Бланк вовсе не такой проницательный психолог, чтобы до конца разобраться в мотивах, движущих мной.

– На самом деле, – зачем-то ляпнул я, – мне тоже хотелось бы ухватиться за вершки, но только чтобы потом показались и корешки!

– А вы не такой простачок, каким хотите казаться! – Давид с улыбкой посмотрел на меня и махнул рукой. – Успеете ещё, не всё сразу. – Он поглядел на дешёвые электронные часы, висящие на стене, и вздохнул: – Сейчас у меня времени нет. Дела, знаете ли. Если хотите, подлете ко мне через пару дней, и мы тогда уже основательно побеседуем. Вам далеко добираться до нашего поселения?..

Выходя из дома Давида Бланка, я всю дорогу невольно раздумывал о нашем разговоре. Даже несколько раз восстанавливал в уме последовательность нашего общения и с облегчением отмечал, что великий и могучий Гудвин не стёр мою память, как у бедняг, чем-то ему не приглянувшихся. Это обнадёживало. Видно, полицейское начальство Гольдмана верно расчитало, что я окажусь именно тем человеком, который справится с этой неразрешимой задачей. А там, глядишь, и какая-нибудь копеечка мне обломится за хлопоты...

4

Россия, Июль 1994

Вопреки ожиданиям в израильском посольстве Дмитрия приняли вовсе не с распахнутыми объятиями. Пройдя внутрь за ограду посольства, ему пришлось долго объяснять охраннику, что перед тем, как встать в очередь для оформления выездных документов, ему необходимо встретиться с кем-то из ответственных работников, но охранник всё время отмахивался и жестом показывал пройти в зал с остальными посетителями.

Дмитрий послушно прошёл в зал, мрачно уселся на стул и принялся ждать, пока кто-нибудь выйдет из дверей с грозной надписью «Вход только для работников посольства». Наконец, оттуда выпорхнула молоденькая девица с пачкой бумаг в руках и хотела уже проскочить мимо, но Давид мягко ухватил её за локоть. Некоторое время девица слушала его и понимающе кивала головой, потом что-то сказала на иврите, виновато развела руками и убежала.

Дмитрий снова уселся на стул и принялся теребить тесёмки папки, в которой были аккуратно сложены описания его изобретений. Но толку от сидения, как он уже догадывался, не было никакого. Надо действовать напористо и нагло, потому что иначе в этом мире ничего не добьёшься. Эту фразу ему постоянно твердила Людмила, с которой он развлёлся три месяца назад и почти не вспоминал о ней.

Он несколько раз прошёлся по залу, без интереса разглядывая публику, которая заполнила анкеты и сутилась с документами, потом решительным шагом подошёл к одной из служебных дверей и постучал. Дверь тотчас открылась, и парень в белой рубашке с галстуком вопросительно уставился на Дмитрия:

- Вы к кому?
- К атташе.

Некоторое время парень раздумывал, но, видимо, решительный вид посетителя его успокоил:

- Вам назначено?
- Да. – Дмитрий покосился на часы. – На десять ровно.
- Проходите...

Поначалу парень шёл за ним следом, потом исчез за какой-то дверью. Дмитрий прошёл дальше и, дойдя до конца коридора, вернулся назад. Никого в коридоре не было. В отличие от шумного зала, где оформляли документы и галдели посетители, здесь была мёртвая тишина. Ещё раз оглянувшись, он постучал в какую-то дверь и, не дожидаясь приглашения, вошёл.

В небольшом, почти пустом кабинете сидел за столом худощавый черноволосый мужчина в очках, и перед ним стояла уже знакомая девица, которую тот за что-то ворчливо распекал на иврите. На полуслове мужчина прервался и вопросительно посмотрел на Дмитрия.

– Извините, мне хотелось бы побеседовать с кем-то из ответственных работников посольства, – проговорил Дмитрий, немножко смущаясь от своей наглости, однако назад дороги уже не было.

– Как вы сюда попали? – слегка коверкая слова, спросил мужчина. – Кто вас пропустил?

– Сам прошёл. Я вот у неё, – и Дмитрий показал пальцем на девицу, – спрашивал, так она даже слушать меня не захотела.

Мужчина неодобрительно покачал головой и кивнул девице, чтобы та уходила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.